Адель Вульф

Письма из Блэквуд-Холла

Адель Вульф

Письма из Блэквуд-Холла

«Автор»
2026

Вульф А.

Письма из Блэквуд-Холла / А. Вульф — «Автор», 2026

В старом поместье Блэквуд-Холл всегда пахнет дождём и чужими тайнами.Нора Беннет приезжает сюда, чтобы пережить развод и потерю работы. Она рассчитывает задержаться всего на несколько недель. Но осень затягивается, а вместе с ней — и её пребывание в доме, где слишком много молчания.Когда в Блэквуд-Холле собираются старые знакомые хозяйки, начинают приходить странные письма. Без обратного адреса. С намёками на историю двадцатилетней давности. Историю о девушке по имени Джун Белл, которую когда-то обвинили в краже и которая исчезла, не сказав ни слова.Нора не собиралась ничего выяснять. Но чем сильнее её просят не вмешиваться, тем яснее становится: в этом доме почти все что-то помнят. И почти все предпочли промолчать.Иногда, чтобы чужое прошлое отпустило, достаточно просто начать задавать вопросы.

© Вульф А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом, в котором пахнет дождём 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Письма из Блэквуд-Холла

ПИСЬМА ИЗ БЛЭКВУД-ХОЛЛА

Глава 1. Дом, в котором пахнет дождём

Дождь начался ещё до рассвета и к восьми часам успел превратить дорожки Блэквуд-Холла в узкие тёмные ленты, отражавшие низкое октябрьское небо. Вода стекала по каменным подоконникам, собиралась в углублениях старой кладки и срывалась с края водосточных труб тяжёлыми каплями. В саду, где ещё в сентябре держались последние розы, теперь остались лишь потемневшие листья да несколько упрямых бутонов, так и не решившихся раскрыться.

Нора Беннет стояла у окна столовой с чашкой остывающего чая в руках и наблюдала, как садовник мистер Прайс безуспешно пытается удержать раскрытый зонт. Ветер выворачивал его наизнанку, заставляя старика сердито дёргать ручку и что-то бормотать себе под нос. Слов она не слышала, но по выражению его лица могла догадаться: они едва ли предназначались для ушей приличных людей.

Она едва заметно улыбнулась.

Утро было из тех, когда человеку следовало бы остаться в постели, укрыться одеялом до самого подбородка и не вспоминать о существовании дел. Однако Блэквуд-Холл не принадлежал к числу домов, где подобная роскошь допускалась даже в ненастье. Здесь всегда находилось что-нибудь, требующее внимания: протекающая крыша над восточной галереей, капризная отопительная система, не желавшая работать без постороннего вмешательства, поставщик молока, который опять перепутал дни доставки, или постоялец, обнаруживший, что в его комнате недостаточно горячая вода.

В последнее время Нора начала подозревать, что именно эта бесконечная череда мелких забот и удерживает её от размышлений о собственной жизни.

Она поставила чашку на подоконник и отошла от окна.

Столовая Блэквуд-Холла была слишком большой для нынешнего назначения дома. Длинный дубовый стол, рассчитанный на два десятка человек, занимал почти всё пространство между камином и высокими окнами. На стенах висели портреты людей, давно умерших, но по-прежнему смотревших на посетителей с таким выражением, словно те явились без приглашения. Потемневшие панели, тяжёлые шторы и старинная люстра придавали комнате торжественность, которую не могли окончательно уничтожить ни современные электрические лампы, ни небольшая стойка с меню завтраков у двери.

Когда-то здесь принимали родственников, соседей и деловых партнёров семьи Уитмор. Теперь по утрам за столом сидели туристы, приезжавшие посмотреть на старые церкви Глостершира, супружеские пары, желавшие провести несколько дней за городом, и люди, которым по той или иной причине требовалось место, где никто не задавал лишних вопросов.

Нора сама приехала сюда почти год назад, хотя поначалу уверяла всех, что задержится всего на несколько недель. Она помнила тот день довольно отчётливо. В Лондоне было холодно, в квартире стоял запах пыли и закрытых окон, а на телефонном автоответчике оставалось сообщение от Питера, которое она прослушала дважды, прежде чем удалить. Работа в небольшом издательстве закончилась несколькими неделями ранее: отдел сокращали, контракты пересматривали, и её фамилия оказалась в списке тех, с кем компания предпочла расстаться. Почти одновременно стало окончательно ясно, что брак, который она ещё недавно пыталась сохранить, закончился гораздо раньше официального разговора о разводе.

Нора не считала себя несчастной женщиной. Это определение казалось ей слишком простым и потому неточным. Скорее, она была человеком, который слишком долго пытался убедить себя, что жизнь идёт по плану, хотя сам план давно перестал существовать.

Блэквуд-Холл предложила ей тётка, дальняя родственница по материнской линии, знакомая с Маргарет Уитмор. Требовалось помочь с корреспонденцией, бронированием комнат и

повседневными делами пансионата. Нора согласилась, рассчитывая восстановить силы, найти новую работу и вернуться в Лондон к весне.

Весна прошла. Потом лето. Теперь за окнами стоял октябрь, а её чемодан всё ещё лежал в шкафу гостевой комнаты, так и не разобранный окончательно.

— Если вы продолжите смотреть на дождь, он не прекратится.

Голос Мэри Коллинз раздался от двери. Нора обернулась.

Управляющая пансионатом стояла на пороге с подносом, на котором аккуратно разместились кофейник, молочник и тарелка с тостами. Мэри была невысокой, крепкой женщиной шестидесяти одного года с короткими седыми волосами, которые она каждое утро укладывала одним и тем же способом. Её лицо отличалось той особенной выразительностью, которая появляется у людей, привыкших замечать всё, но не считать необходимым комментировать каждую мелочь. Даже сейчас, ставя поднос на стол, она успела быстро, почти незаметно, оглядеть комнату — проверить, не изменилось ли что-нибудь с прошлого раза.

— Я не рассчитывала на такой эффект, — ответила Нора.

— Тогда хорошо. Потому что у нас сегодня и без того достаточно проблем.

Мэри поставила поднос на стол и снова оглядела комнату. За годы работы в Блэквуд-Холле она выработала привычку замечать малейшие нарушения порядка. Даже Нора, которая считала себя довольно аккуратной, однажды получила замечание за то, что оставила книгу на подоконнике вместо полки.

— Что случилось? — спросила Нора.

— В комнате номер шесть опять не закрывается окно. Мистер Прайс утверждает, что это из-за ветра, но я подозреваю, что он просто не хочет заниматься рамой. А ещё поставщик привёз меньше яиц, чем обещал.

— Насколько меньше?

— На двенадцать.

— Это звучит как серьёзное преступление.

— В этом доме, дорогая, даже недостаток яиц способен испортить утро.

Нора взяла тост. Уголки губ Мэри едва заметно дрогнули — почти улыбка, которую та предпочитала не показывать слишком явно.

— Может быть, мистеру Прайсу стоит объяснить, что ветер не виноват в неисправной раме?

— Я уже объясняла. Он сказал, что ветер здесь живёт дольше нас обеих и имеет полное право делать что хочет.

— В этом есть определённая логика.

Мэри посмотрела на неё поверх очков. Взгляд был сухим, но не сердитым.

Нора знала, что Мэри не любит обсуждать собственные чувства, зато прекрасно умеет выражать отношение к людям через бытовые замечания. Если она говорила, что кто-то «не самый бесполезный человек», это означало почти безоговорочное одобрение. Если же называла человека «слишком аккуратным», следовало ожидать неприятностей.

— Кстати, — сказала Мэри, поправляя салфетки на подносе. — Миссис Уитмор просила передать, что хочет видеть вас после завтрака.

— Она сказала зачем?

— Нет.

— Значит, дело серьёзное.

— Или она просто хочет поговорить.

— Вы сами в это верите?

Мэри ничего не ответила. Она лишь посмотрела на часы, словно разговор уже занял больше времени, чем следовало.

Маргарет Уитмор редко звала Нору без причины. Обычно её просьбы касались дел пансионата: бронирований, счетов, писем, заказов или гостей, которые собирались приехать в ближайшие дни. Однако в последние недели хозяйка дома стала вести себя несколько необычно. Она чаще проверяла старые документы, несколько раз просила Нору принести корреспонденцию за предыдущие месяцы и однажды задержалась в библиотеке почти до полуночи.

Нора не стала спрашивать об этом. В Блэквуд-Холле существовало негласное правило: каждый имел право на собственные тайны, пока они не мешали работе остальных.

Она допила чай и направилась к двери.

На лестнице было прохладнее. Старые каменные стены сохраняли ночную сырость, несмотря на отопление, а из щели под дверью восточного крыла тянуло запахом дерева и пыли. Нора поднялась на несколько ступеней, затем свернула в длинную галерею, соединявшую жилую часть дома с бывшими хозяйственными помещениями.

Галерея была одним из её любимых мест. Узкие окна выходили на сад, вдоль стен стояли несколько кресел с выцветшей обивкой, а между ними висели портреты членов семьи Уитмор. На одном из них изображалась женщина с тёмными волосами и тонкими губами, державшая в руках раскрытую книгу. Нора не знала её имени, но каждый раз, проходя мимо, ловила себя на мысли, что та выглядит человеком, который не простил бы ни одной ошибки.

Кабинет Маргарет находился в конце коридора, рядом с лестницей, ведущей в восточное крыло. Дверь была приоткрыта.

— Войдите, Нора.

Маргарет сидела за письменным столом, перед которым лежали несколько папок и открытая записная книжка. Ей было шестьдесят четыре года, но она сохраняла прямую осанку и ту сдержанную элегантность, которую не могли испортить ни возраст, ни плохая погода. Серебристые волосы были собраны на затылке, на шее лежала тонкая нитка жемчуга, а тёмно-синее платье выглядело безупречно даже в столь ранний час.

Она не поднялась, когда Нора вошла, но указала на кресло напротив.

— Присядьте, пожалуйста.

Нора села.

— Мэри сказала, вы хотели меня видеть.

— Да. У нас будут гости.

— Это я уже заметила по количеству постельного белья, которое Мэри заставила меня пересчитать вчера вечером.

— Она всегда была склонна к чрезмерной предусмотрительности.

— В этом доме это, вероятно, полезное качество.

Маргарет посмотрела на неё, и на мгновение Норе показалось, что хозяйка собирается улыбнуться. Однако выражение её лица осталось прежним — спокойным, чуть отстранённым.

— В пятницу приедет Эдвард Фицрой. Также ожидаются Ричард и Пенелопа Уолш, а Сесилия Грей присоединится к нам в субботу утром. Возможно, я забыла кого-то упомянуть, но список у вас уже есть.

— Вы давно не принимали столько старых знакомых одновременно.

— Мы давно не собирались все вместе.

В голосе Маргарет прозвучало что-то такое, что заставило Нору поднять глаза от блокнота.

— Есть какая-то особая причина?

— Нет. Просто обстоятельства сложились удачно.

Нора не стала спорить. В её прежней работе она привыкла замечать, когда человек отвечает не на заданный вопрос, а на тот, который ему удобнее услышать.

— Мне нужно подготовить дополнительные комнаты?

— Да. И ещё я хотела попросить вас заняться корреспонденцией. В ближайшие дни могут приходить письма, связанные с гостями. Не передавайте их никому без моего разрешения.

— Хорошо.

Маргарет переложила одну из папок. Сделала это медленно, словно собираясь с мыслями. Пальцы её лежали на краю папки слишком неподвижно.

— И ещё одно.

Она произнесла это не сразу. Сначала посмотрела на бумаги, затем на окно, за которым дождь всё сильнее хлестал по стеклу.

— Если кто-нибудь спросит вас о Джун Белл, скажите, что вы не знаете этой истории.

Нора не сразу поняла, что услышала.

— Простите?

— Вы меня поняли.

— Кто такая Джун Белл?

Маргарет подняла глаза. Взгляд был твёрдым, почти холодным.

— Это не имеет значения.

— Тогда почему кто-то должен спрашивать меня о ней?

В комнате стало тихо. За стеной едва слышно тикали часы, а в камине потрескивали поленья, хотя огонь был почти погашен.

Маргарет закрыла папку.

— Потому что иногда люди задают вопросы не из любопытства, а с намерением причинить неприятности.

— И вы считаете, что лучше всего будет притвориться, будто я ничего не знаю?

— Я считаю, что вам не следует вмешиваться в дела, которые вас не касаются.

Нора медленно закрыла блокнот.

— Полагаю, это разумный совет. Но он не отвечает на мой вопрос.

Маргарет смотрела на неё несколько секунд. Затем отвела взгляд.

— Джун Белл работала здесь много лет назад. Она уехала. История давно закончена.

— Тогда почему вы так обеспокоены тем, что её имя могут упомянуть?

— Потому что некоторые истории не становятся менее неприятными оттого, что их перестают обсуждать.

Это было первое по-настоящему откровенное замечание, которое Нора услышала от Маргарет за всё время их знакомства.

Хозяйка снова взяла ручку.

— На этом всё. Благодарю вас.

Разговор был окончен.

Нора поднялась, вышла из кабинета и осторожно прикрыла за собой дверь. В коридоре она задержалась, прислушиваясь к дождю. Ей хотелось вернуться и задать ещё несколько вопросов, но она понимала, что не получит ответов.

Имя Джун Белл осталось в её мыслях, как заноза, которую невозможно увидеть, но невозможно и перестать чувствовать.

Спускаясь по лестнице, Нора решила, что непременно расспросит Мэри. Не потому, что собиралась вмешиваться в чужие дела, а потому, что Маргарет Уитмор только что сделала всё возможное, чтобы заставить её заинтересоваться этой историей.

И, судя по всему, прекрасно это понимала.

После обеда дождь немного ослаб, но не прекратился. Нора провела несколько часов за письменным столом в маленькой комнате возле кухни, отвечая на письма и уточняя бронирования. В основном это были обычные запросы: можно ли привезти собаку, есть ли в комнатах отдельные ванные, насколько далеко находится ближайшая железнодорожная станция. Она отвечала на них аккуратно, стараясь не думать о разговоре с Маргарет.

Около четырёх зазвонил телефон.

Старый аппарат стоял на полке в коридоре, возле лестницы. Когда Нора подняла трубку, из динамика донёсся негромкий треск.

— Блэквуд-Холл. Добрый день.

— Надеюсь, ты не слишком занята, чтобы поговорить с человеком, который ещё не забыл, как звучит твой голос.

Нора невольно улыбнулась.

— Томас?

— Я начинаю подозревать, что у тебя появилась привычка узнавать людей по первому предложению.

— Только тех, кто не умеет здороваться.

— Добрый день, Нора.

— Так лучше.

Томас Рид был местным врачом и одним из немногих людей в Блэквуде, с которыми Нора могла разговаривать без необходимости подбирать слова. Они знали друг друга с детства, хотя в последние годы виделись редко. Он уехал учиться медицине, затем работал в нескольких клиниках, а после смерти прежнего врача вернулся в Глостершир и занял его место.

Нора помнила его ещё подростком: худощавого, постоянно растрёпанного, с привычкой читать на ходу и забывать, куда положил школьные тетради. Теперь ему было тридцать четыре, и, судя по тому, что говорили в деревне, он стал довольно хорошим врачом. Но некоторые вещи не изменились: сухой юмор, привычка задавать неудобные вопросы и удивительная способность появляться именно тогда, когда его меньше всего ждёшь.

— Мэри сказала, что ты опять пытаешься победить местную погоду, — продолжил он.

— Пока счёт в пользу погоды.

— Разумно. Я бы не советовал недооценивать дождь в Глостершире.

— Я уже усвоила этот урок.

— Как дела в доме?

Нора посмотрела на закрытую дверь кабинета Маргарет.

— Готовимся к приезду гостей.

— Значит, у тебя будет чем заняться.

— Ты даже не представляешь.

— Представляю. Я слышал, что Маргарет собирает старых знакомых.

Нора чуть выпрямилась.

— Откуда?

— От самой Маргарет. Она звонила утром. Просила меня быть поблизости в выходные на случай, если кому-нибудь из гостей понадобится помощь.

— Она не сказала, что кто-то болен?

— Нет. Но она редко звонит без причины.

Нора вспомнила разговор в кабинете.

— Томас, ты знаешь кого-нибудь по имени Джун Белл?

На другом конце линии наступила пауза. Не длинная, но достаточно заметная, чтобы Нора обратила на неё внимание.

— Откуда ты услышала это имя?

— Маргарет упомянула его сегодня утром.

— И что именно сказала?

— Попросила, если кто-нибудь спросит о Джун Белл, отвечать, что я ничего не знаю.

Томас тихо выдохнул.

— Понятно.

— Это не очень похоже на объяснение.

— Я не уверен, что могу тебе что-то объяснить.

— Ты знаешь эту историю?

— Немного. Мне было лет десять или одиннадцать, когда Джун уехала. Я помню, что взрослые говорили о какой-то краже, но подробностей не знаю. Кажется, она работала здесь.

— Маргарет сказала, что история давно закончена.

— Возможно, для неё.

Нора прислонилась плечом к стене.

— Ты говоришь так, будто сомневаешься.

— Я говорю так, потому что в маленьких деревнях прошлое редко заканчивается тогда, когда люди перестают его обсуждать.

Она улыбнулась, хотя Томас этого не мог видеть.

— Это звучит почти философски.

— Не привыкай. Обычно я ограничиваюсь тем, что советую людям пить больше воды и не заниматься самолечением.

— Как-нибудь переживу.

— Я заеду завтра. Мне нужно передать Мэри несколько документов для местной службы ухода.

— Хорошо.

— И, Нора…

— Да?

— Не позволяй Маргарет втянуть тебя в то, чего она сама не хочет касаться.

Нора нахмурилась.

— Ты уже второй человек за сегодня, который советует мне не вмешиваться.

— Значит, у тебя сегодня особенно насыщенный день.

— Возможно.

— До завтра.

Он повесил трубку прежде, чем она успела ответить.

Нора ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом медленно положила трубку на аппарат.

За окном снова усилился дождь. Где-то в глубине дома хлопнула дверь, и послышались шаги Мэри, торопливо направлявшейся на кухню.

Нора вернулась к письменному столу, но теперь уже не могла сосредоточиться на письмах. Она достала чистый лист бумаги и написала в верхнем углу:

Джун Белл. 1978 год?

Подумав, добавила:

Почему Маргарет боится этого имени?

Она не знала, что именно собирается делать с этими вопросами. Пока ей хотелось только понять, почему одно давно забытое имя способно так заметно изменить настроение людей, которые утверждают, что ничего не произошло.

И почему в доме, где всё было устроено так, чтобы гостям было спокойно и уютно, вдруг стало казаться, что кто-то очень старается не допустить появления нежелательных воспоминаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.